

В считанные мгновения конный отряд оказался рядом. Фу Шэнь замедлил ход, свистнул и, взмахнув рукой, бросил в сторону Янь Сяоханя отрезок красного шёлка. Тот инстинктивно схватил один конец, и в тот же миг почувствовал, как его тело наклонилось вперёд под силой рывка. Сжав ногами бока коня, он направил его мелкими шажками в сторону Фу Шэня.

Со стороны это выглядело так, будто Фу Шэнь словно на рыбалке «вытянул» его с помощью красного шёлка.

Фу Шэнь был весьма доволен послушным поведением Янь Сяоханя и, улыбаясь, приблизился к нему:

— Долго ждал... Ой, что это ты заплакал?

Он заметил красноту в глазах Янь Сяоханя и, испугавшись, невольно понизил голос, сделав его мягче:

— Брат Янь... Что случилось? Заждался? Боялся, что я не приду?

Янь Сяохань бесстрастно посмотрел на него, заставив Фу Шэня почувствовать себя неловко, а затем отвел взгляд и, сдерживая смех, проговорил:

— Это от ветра.

Фу Шэнь:

— Ну, сегодня у нас свадьба, так что я тебе оставляю лицо. Но если будет ещё раз, я тебя реально заплачу, веришь?

Фу Шэнь прибыл как раз вовремя. Красное солнце клонилось к закату, наступал вечер — самое подходящее время для свадебного обряда. Соскочив с коня, Янь Сяохань поднял его на спину и, шаг за шагом, под лучами заходящего солнца, направился к величественной Золотой террасе.

Время словно растянулось до бесконечности. Пройдя семьдесят две ступени из белого мрамора, они ощутили, будто преодолели целую жизнь.

Зал Циляня был высоким и просторным, но из-за долгих лет запустения казался мрачным и старым. Здесь редко ступала нога человека, и царила полная тишина. Лишь гигантские портреты, висящие на стенах, сурово и величественно смотрели на них, словно боги, молчаливо наблюдающие за двумя смертными, забредшими в святилище.

Не дожидаясь указаний Фу Шэня, Янь Сяохань уже нашёл портреты отца и дядей Фу Шэня — Фу Цзяня, Фу Тинчжуна и Фу Тинсиня, висевшие рядом.

Следовавший за ними слуга подал два мягких коврика. Янь Сяохань мельком взглянул на него

и с удивлением обнаружил, что это один из генералов армии Бэйянь — Юй Цяотин.

Фу Шэнь тихо сказал:

— Опустим меня.

Они встали на колени на коврики, а Юй Цяотин достал кожаный мешок с водой и два маленьких серебряных кубка, поставив их перед ними на землю. После этого он бесшумно удалился.

Фу Шэнь произнёс:

— Это мой дед, отец и дядя. Моя мать похоронена на родине, в другой раз я отведу тебя к ней.

Он повернулся на север и сказал:

— Ну что ж, давай поклонимся Небу и Земле.

Они оба склонились в поклоне.

Затем, повернувшись к портретам, Фу Шэнь поднял чашу с вином и, вылив его на землю, произнёс молитву:

— Недостойный сын Фу Шэнь, удостоенный императорской милости на брак, сегодня сочетается узами брака с императорским инспектором Стражи Летящего Дракона Янь Сяоханем. Дедушка, отец, дядя, если вы знаете об этом в мире ином, обретите покой.

— Второй поклон — старшим.

Янь Сяохань молча последовал за ним, и они снова повернулись, чтобы встать лицом друг к другу. Фу Шэнь налил две чаши вина и одну передал Янь Сяоханю:

— Брат Янь, спасибо, что сегодня ты согласился ждать меня здесь.

Янь Сяохань:

— Не за что. Это моя обязанность.

Фу Шэнь продолжил:

— После смерти деда император приказал внести портреты заслуженных героев в Зал Циляня. Его посмертный портрет был поднят на Золотую террасу руками моего отца. В девятнадцатый и двадцатый годы правления Юаньтай мой отец и дядя отправились в мир иной, и их портреты я лично внес в Зал Циляня.

— Тогда князь Су хотел внести портрет моего дяди в зал, но, увы...

Он покачал головой:

— По правилам, только ближайшие родственники могут вносить портреты героев в зал. Князь Су был глубоко привязан к моему дяде, но, к сожалению, у него не было на это права.

— Мне было восемнадцать, когда я вступил в армию. Я командовал Железной кавалерией Бэйянь более пяти лет и не смею утверждать, что достиг великих свершений, но могу с чистой совестью сказать, что не опозорил память предков. Но судьба переменчива, и, боюсь, мне больше не суждено вести войска. Моя военная карьера на этом заканчивается.

Он поднял чашу и звонко чокнулся с Янь Сяоханем.

— Перед тем как я отправился в поход, ты загадал желание, чтобы я ненавидел тебя всю жизнь. Теперь это желание больше не исполняется — я больше не ненавижу тебя, брат Янь.

— Теперь моя очередь загадать желание.

Янь Сяохань опустил взгляд, глядя на него с нежностью, словно готовый в любой момент встать и достать для него звёзды с неба.

Фу Шэнь смотрел на него, медленно и торжественно произнеся:

— Я хочу, чтобы после моей смерти мой портрет тоже был помещён в Зал Циляня, и чтобы ты лично поднял его на Золотую террасу.

После смерти героя только ближайшие родственники могут внести его портрет в зал.

Долгое время Янь Сяохань молчал, не отвечая, а затем лишь сказал:

— В такой радостный день зачем говорить о столь печальных вещах?

— Все умрут, это неизбежно, — Фу Шэнь казался совершенно спокойным, но его взгляд был серьёзным и пронизательным. — Высшее и вечное — это солнце и луна, а ближайшие и далёкие — это супруги. Если ты обещаешь мне это, то станешь моим единственным ближайшим родственником.

Янь Сяохань и Фу Шэнь — один безрассудный, другой спокойный; один кажется беззаботным, другой всегда глубоко задумывается; один заслуживает места в Зале Циляня, другой после смерти должен быть внесён в список предателей... Два совершенно разных человека наконец сошлись на одном поворотном моменте своей жизни.

Как Янь Сяохань мог отказать ему в этом желании, которое почти равносильно обещанию

«прожить вместе до седых волос»?

Он забрал чашу из рук Фу Шэня, отставил её в сторону и взял его руки в свои.

— Супруги кланяются друг другу.

Они наклонились друг к другу, совершив торжественный поклон. Они были так близки, что почти касались головами, но руки их не разъединялись.

Где-то в глубине души возникла незримая связь, словно замок, идеально подошедший к ключу, издав лёгкий щелчок.

Три поклона завершили обряд.

Сумерки заползли на оконные рамы, свет угасал, и пожелтевшие картины на стенах растворялись в бескрайней тьме. Янь Сяохань и Фу Шэнь выпили вино из одной чаши, завершив последний обряд, и, поклонившись портретам предков Фу, наконец покинули Золотую террасу.

Эта церемония была настолько торжественной и печальной, что и без того не слишком радостная атмосфера стала ещё более мрачной. Янь Сяохань помог Фу Шэню сесть на коня, пытаясь разрядить обстановку:

— Теперь нам нужно вернуться в резиденцию. Мы поклонились Небу и Земле, теперь нужно поблагодарить императора. Мы вдвоём исчезли, и чиновники из Министерства церемоний, наверное, уже готовы нас придушить.

Фу Шэнь усмехнулся:

— Пусть попробуют. Я одной рукой могу справиться с десятком.

Прибывшие на церемонию воины Железной кавалерии Бэйянь, не чуждые зрелищ, разразились смехом. Янь Сяохань с улыбкой покачал головой, вскочил на коня и поехал рядом с Фу Шэнем. Свадебная процессия объединилась с армией Бэйянь, и огромная толпа людей направилась к столице.

Весь город знал, что сегодня Янь Сяохань и Фу Шэнь сочетаются браком. Многие с нетерпением ждали этого события, даже вышли на улицы, чтобы посмотреть, но с рассвета до заката ничего не происходило, и люди начали волноваться, как муравьи на раскалённой сковородке, обсуждая это событие. Император Юаньтай во дворце ждал новостей и уже трижды отправлял людей в резиденцию маркиза. Чиновники Министерства церемоний, охваченные гневом, дважды падали в обморок и грозили уйти в отставку.

И вот, когда и в резиденции, и во дворце царил полный хаос, северные ворота столицы

внезапно распахнулись, и два всадника в ярко-красных одеждах выехали из глубокой тени городской стены. Их широкие рукава развевались на ветру, словно последние вспышки огня перед тем, как солнце скроется за горизонтом. Они промчались по тёмным, старым улицам, окутанным вечерней мглой.

Это было невероятно красиво и свободно.

Толпа внезапно взорвалась криками радости. Кто-то начал первым, и люди с фонарями вышли на улицы, один за другим, сотни, тысячи, постепенно образуя сверкающую реку света, затмевающую Млечный Путь. Всадники проезжали мимо, и люди бросали в них красные цветы, крича:

- Поздравляем генерала Фу с бракосочетанием!
- Счастья в браке, генерал!
- Пусть маркиз будет здоров и благословен!

Красные цветы падали, как дождь, а крики становились всё громче, пока весь город не погрузился в праздник. Даже Янь Сяохань не ожидал такого грандиозного зрелища.

Трудно описать, что он почувствовал в тот момент, словно его израненное сердце вынули из ледяной пустыни и согрели. Фу Шэнь был глубоко тронут, и Янь Сяохань, глядя на него, заметил, как в его глазах мелькнула слеза.

Лошади замедлили ход, и процессия остановилась на мосту Чуньхэ.

На мосту и под ним стояли люди с фонарями, словно тысячи светлячков в бескрайней тьме. Фу Шэнь сидел на коне, поправил одежду и затем, обратившись ко всем собравшимся, торжественно и молча поклонился.

Он произнёс всего четыре слова, каждое из которых прозвучало весомо:

- Фу Шэнь недостоин.

<http://bllate.org/book/15271/1347963>